

Киреевский И. В. "Горе от ума" -- на московском театре // А. С. Грибоедов в русской критике: Сборник ст. / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. -- М.: Гослитиздат, 1958. -- С. 70--74.

<http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit10.htm>

И. В. Киреевский

"ГОРЕ ОТ УМА" -- НА МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ

В конце прошедшего года поставлена на Московский театр известная комедия покойного А. С. Грибоедова "Горе от ума", а несмотря на то, что актеры играли дурно и ни один из них, не исключая даже г. Щепкина, не понял своей роли; несмотря на то, что комедия была уже давно знакома большей части зрителей, ибо нет уезда в Европейской России, нет армейского полка, где бы ее не знали наизусть; несмотря на то, что она не имеет собственно драматических и театральных достоинств и лучше в простом чтении, чем на сцене; несмотря на то, наконец, что московская публика видела в ней собственную свою карикатуру, -- театр был почти полон в продолжение трех или четырех раз ее представления. Доказывает ли это беспристрастие московской публики? -- Или наша насмешливость сильнее нашего самолюбия? Или, может быть, мы смотрели на сцену с таким же добрым простодушием, с каким известная обезьяна, глядясь в зеркало, говорила медведю:

Смотри-ка, Мишенька: что это там за рожа?

Правда, оригиналы тех портретов, которые начертал Грибоедов, уже давно не составляют большинства московского общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотрит на них как на редкость, как на любопытные развалины другого мира. Но главный характер московского общества вообще -- не переменялся. Философия Фамусова и теперь еще кружит нам головы;¹ мы и теперь, так же как в его время, хлопочем и суедемся из ничего; кланяемся и унижаемся бескорыстно и только из удовольствия кланяться; ведем жизнь без цели, без смысла; сходимся с людьми без участия, расходимся без сожаления; ищем наслаждений минутных и не умеем наслаждаться. И теперь, так же как при Фамусове, дома наши равно открыты для всех: для званных и незванных, для честных и для подлецов. Связи наши состояются не сходством мнений, не сообразностью характеров, не одинакою целью в жизни, и даже не сходством нравственных правил; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай нас сводит, случай разводит, и снова сближает, без всяких последствий, без всякого значения.

Эта пустота жизни, это равнодушие ко всему нравственному, это отсутствие всякого мнения и вместе боязнь пересудов, эти ничтожные отношения, которые истощают человека по мелочам и делают его неспособным ко всему стройно дельному, ко всему возвышенному и достойному труда *жить*, -- все это дает московскому обществу совершенно особенный характер, составляющий середину между уездным кумовством и безвкусицей и столичною искательностью и роскошью. Конечно, есть исключения, и, может быть, их больше, чем сколько могут заметить проходящие: есть общества счастливо отборные, заботливо охраняющие себя от их окружающей смешенности и душного ничтожества; есть люди, которые в кругу тихих семейных отношений, посреди бескорыстных гражданских обязанностей, развивают чувства возвышенные, вместе с правилами твердыми и благородными; есть люди, постигшие возможность цели высокой посреди всеобщей пустоты и плоскости; люди, умеющие создавать себе наслаждения просвещенные и роскошествовать с утонченностью и вкусом; но эти люди, эти общества далеко не составляют большинства; и если бы они захотели принять на себя бесполезную и молодостранную откровенность *Чацкого*, то, так же как он, явились бы пугалищем собраний, существом несносным, неприличным и сумасшедшим.

Однако и самые исключения, находящиеся в беспрестанной борьбе с большинством, не могут совершенно охраниться от его заразительности и невольно более или менее разделяют его недостатки. Так, почти нет дома в Москве, который бы чем-нибудь не обнаружил просвещенному иностранцу нашей недообразованности, и если не в гостиной, не в кабинете, то хотя в прихожей найдет он какое-нибудь разногласие с европейским бытом и согласие с бытом московским.

Естественно, что это имеет влияние и на самого хозяина, и потому совершенно справедливо, что:

На всех московских есть особый отпечаток.